

Конфуций

Суждения и Беседы

«Неоглори»

Конфуций

Суждения и Беседы / Конфуций — «Неоглори»,

Они оставили нам Мудрость, передали нам Знания. Они ничего не скрыли от нас... Суждения и беседы Конфуция (Луньюй) – краеугольный камень философии Древнего Китая. Легендарный памятник состоит из 20 глав, где в форме бесед или отдельных высказываний представлены основные положения духовно-этического учения, созданного Конфуцием.

Содержание

Алексей Маслов. «Я ничего не скрываю от вас»[1]	5
Конфуций и конфуцианство	6
Человек и миф	10
Время великих наставников	13
Путь Учителя	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Конфуций

Суждения и беседы

Алексей Маслов. «Я ничего не скрываю от вас»¹

«Самое главное не увидеть глазами, только сердце зорко».
С. Экзюпери. «Маленький принц»

¹ Настоящее введение представляет собой обобщение трех лекций, прочитанных в Университете Колорадо (США) и Российском Университете Дружбы Народов.

Конфуций и конфуцианство

Его называют Символом китайской нации и Учителем учителей. Наверняка, именно его образ придет на память любому при упоминании культуры и философии Китая. Ему возведены памятники во многих странах Восточной Азии, где, как считается, сложилась уникальная культурная общность – конфуцианский культурный регион, формировавшийся под влиянием идей Великого Учителя. Он превратился в «визитную карточку» Китая – обложки многих книг о Китае украшены изображениями великого наставника, он растиражирован на календарях, плакатах и рекламах. Культ Конфуция был объявлен императорским, правители совершали моления в храмах Конфуция, на его родине? в местечке Цюйфу, а в провинции Шаньдун возведен огромный храмовый комплекс, ныне превращенный в роскошный музей, куда съезжаются туристы из всех стран мира.

Сегодня во всём мире вряд ли найдется человек, не слышавший о конфуцианстве и его знаменитом основателе – Конфуции (551–479 гг. до н. э.), имя которого по-китайски звучит как Кун-цзы или Кун-фу-цзы (Мудрец Кун). В большинстве случаев Конфуций упоминается не под именем собственным, а под иероглифом «цзы» – «Учитель», выступая тем самым как фигура, скорее, знаковая, нежели как индивидуальный человек. Но читателю сразу становится ясно, что речь идёт о великом наставнике, который стал нравственным идеалом сотен миллионов людей. На высказывания Конфуция ссылаются философы, политики и учёные всего мира, а фразы из «Лунь юя» сегодня можно услышать даже от малограмотного китайского крестьянина.

Более того, все нравственное развитие китайцев всегда представлялось как изучение и воплощение наследия, завещанного Конфуцием: тем его бесед с учениками, наставлений правителям, стремлений к идеалу «благородного мужа».

В отличие от многих полулегендарных наставников Китая, например Лао-цзы и Хуан-ди, он является абсолютно реальным персонажем – персонажем вполне «живым», переживающим, нередко сомневающимся, плачущим и торжествующим, наставляющим и негодующим. Но во всем этом многообразии чувств и эмоций он удивительно целостен. «Мой Путь – все пронзать Единым», – говорит он своему ученику (XV, 4).²

Самый сложный вопрос – почему именно он стал Учителем учителей и превратился в символ Китая? Что он сказал или сделал такого, чего не удавалось никому ни до, ни после него? На первый взгляд, он вполне повседневен, и именно в этой повседневной житейской

² Здесь и далее в скобках дается ссылка на соответствующие параграфы «Лунь юя». Их перевод может не совпадать с переводом П. Попова, приведенным в этой книге, – развитие наших знаний о древнекитайской культуре иногда заставляет по-иному расставлять акценты в словах Конфуция. Один из наиболее полных, точных и комментированных современных переводов Конфуция можно посмотреть, в частности, в книге: Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М.: «Восточная литература», 2002.

мудрости проступает его трансцендентное величие. Он не отстранен от мира чувств и эмоций, как буддист, не чудесен в своих историях, как Чжуан-цзы, не обладает сверхъестественными способностями, как даосские маги. Он – такой, как все. И все же он значительно более мистичен, чем десятки других духовных наставников Древнего Китая.

Понять его очень просто – он никогда не говорит о вещах трансцендентных, потаенных, мистических. С учениками и правителями, с аристократами и простолюдинами он в равной степени говорит просто и доступно. И поэтому в его речах даже сегодня любой человек может найти источник как житейских советов, так и духовных откровений.

Понять его нелегко. За кажущейся простотой скрывается такая глубина традиции, аллюзий и полунамёков, что не всякий китайский знаток сможет уловить эти тонкости.

Прочтение образа Конфуция зависит от того, на какой точке зрения мы изначально стоим – про Конфуция и традиционное конфуцианство сегодня известно столько, что весьма затруднительно подходить к этому образу непредвзято. Понимание самого Конфуция – как дословно-текстовое, так и постижение глубинной драмы его образа – зависит чаще всего от изначального подхода к его личности. Если мы допускаем, что в Древнем Китае существовала развитая «философия», то перед нами образ чрезвычайно педантичного, тщательного философа. Но стоит нам лишь допустить, что Конфуций являлся посвященным духовным наставником, соприкасающимся с самыми глубинными мистическими традициями Древнего Китая, то приходит иное понимание его образа. Перед нами предстает духовный учитель, перенявший древнейшие магические ритуалы и образы и ныне стремящийся при помощи этих знаний установить гармоничное правление в царствах на Центральной равнине Китая. Но он не только носитель этой духовной традиции – он ее десакрализатор. Он сообщает о ней открыто, позволяет записывать за собой и – самое главное – видит свою миссию в служении правителям и образовании людей, а не в уединенном отшельническом подвижничестве.

Конфуцианство считают величайшим китайским философским и духовным наследием, что отчасти верно. И все же суть конфуцианства лежит глубже, это даже не национальная идея – это национальная психология. И описывать ее функционирование следует скорее в терминах этнологии и этнопсихологии, нежели философии.

Существует несколько слоев конфуцианства. Есть официальная традиция восприятия конфуцианства, которая в основном навеяна неоконфуцианскими трактовками, развивавшимися в XI–XIII вв. Тогда же и было дано основное толкование всех ключевых терминов, которые использовали Конфуций и его великий последователь Мэн-цзы (III в. до н. э.) в своих проповедях: «ритуал» (ли), «человеколюбие» (жэнь), «справедливость» (и), «почитание старших» (сяо), «искренность» (синь), «преданность» (чжун) и многих других.

Несмотря на всю свою морально-этическую терминологию, происхождением которой мы обязаны в основном попыткам «преобразовать» китайские реалии в христианизированный лексикон Запада, конфуцианство, равно как и вся китайская традиция, не морально, оно – прагматично. Именно это и составляет ядро китайской цивилизации, и это открывается и в политической культуре, и поведенческих стереотипах, и в особенностях мышления.

Конфуцианство, в отличие от индивидуального учения самого Конфуция, не целостное учение, не стройная система взглядов, представлений, политических доктрин и морально-этических установок. Это политическая идея, объединяющая Китай. Это и абсолютный слепок национального характера китайской нации. Зачастую в китайской экзегетике представляется, что конфуцианство повлияло на весь облик современного Китая, на психологию и поведение всего населения Поднебесной, начиная от императора и заканчивая простолюдином. Но кажется, в реальности дело обстояло абсолютно противоположным образом: конфуцианство само явилось лишь слепком с уже сложившегося стереотипа поведения и мышления. И здесь оно удивительным образом из «матрицы идеального китайца» и благородного мужа превращается лишь в констатацию уже существующего стереотипа.

Конфуцианство – гносеологическая абстракция, абсолютный объем, который может быть наполнен практически любым содержанием. Нередко китаец, как бы сканируя свои мысли, стереотипы и особенности поведения, говорит: «Вот это и есть конфуцианство». Итак, конфуцианство – не то, что должно быть, а то, что уже сложилось, уже живет и развивается. Оно не корректирует поведение, а оправдывает его. Так выглядит некая великая символическая идея, вмещающая все что угодно.

Символизм «слова Конфуциева» прослеживается практически во всех высказываниях учителя. Следует заметить, что еще никем не доказано, что записи слов Учителя велись с ходу, т. е. записывались в момент его наставлений или вскоре после этого. Возможно, это воспоминания, впечатления, записанные (и, разумеется, додуманные) через весьма продолжительный период времени. И писали уже не столько слова Конфуция или о Конфуции, сколько в анналы вносились слова Идеального Учителя, который становился символом наставничества и правильного поведения в соответствии с ритуалом.

Стало привычным именовать Конфуция «величайшим мудрецом», но в действительности очень сложно объяснить, почему история выделила именно его из созвездия блестящих философов и значительно более удачливых администраторов, которые жили на одном временном отрезке с ним. Кажется, в отличие от многих своих современников, Конфуций оказался как раз не возвышен, а максимально приземлен, практичен, он рассуждал о вещах «посюсторонних», удивительным образом сводя всякое священное ритуальное начало к каждодневной деятельности, например об урожае, о болезнях, о приеме пищи, о правильном сне.

О Конфуции написано, пожалуй, слишком много, и сегодня уже вряд ли возможно отделить реальный образ этого мудрого старца от многочисленных агиографий, «выправление» образа Конфуция под нужды государственной доктрины в разные периоды. Само же учение Конфуция настолько оказалось скрыто за многочисленными комментариями последующих эпох, что многие ученые абсолютно разумно решили разделять само учение Конфуция от последующего конфуцианства – социально-политической теории и государственной доктрины Китая. К последней Конфуций имел весьма косвенное отношение и никакого «государственного учения» не создавал.

Конфуцианство, в отличие от вполне конкретного учения Конфуция, – скорее лозунг, нежели учение, гибкий и трансформирующийся тезис о том, что должно считаться «сделанным по ритуалу», от отношений с соседями до приема пищи и управления уездом. Само же конфуцианство – совершенно особое мировосприятие, поэтому не стоит ждать однозначного ответа на вопрос: стало *ли* оно религией Китая или просто этическим учением? Но очевидно, что конфуцианство выполняло в Китае практически все функции религии и, таким образом, превратилось в национальную квазирелигию. Во всяком случае, другого типа религиозного сознания Дальний Восток не знал.

Мы же будем говорить здесь не о конфуцианстве, а о Конфуции.

Человек и миф

В отличие от многих других мудрецов и духовных наставников Древнего Китая, о Конфуции, на первый взгляд, известно очень многое. Прежде всего, он обладает настоящей биографией – хроники донесли до нас и даты его жизни, и описания странствий по Китаю от двора одного правителя к другому; по записям его учеников можно увидеть и характер Конфуция – строгого ментора и тонкого наставника, человека страдающего и твердого, чувствительного и непоколебимого. И именно за счет этой кажущейся противоречивости и драматичности жизни этот человек, живший две с половиной тысячи лет назад, оказывается чрезвычайно обаятелен.

Не меньший драматизм образу Конфуция добавляет сама история его жизни, которая, на первый взгляд, кажется абсолютно тривиальной для книжных людей того времени. В сущности, он был одним из многих служивых людей – *цзи*, происходивших в основном из числа «малых домов», разорившихся аристократических семей, некогда славных, но ныне не обладавших ни особой властью, ни тем более богатством. Знаком их жизни становится само служение, причем смена господина, переезд от двора одного правителя к другому считались нормой этого служения.

О себе Конфуций не любил рассказывать и свой жизненный путь сумел описать в нескольких строках: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учёбе. В тридцать лет я обрёл самостоятельность. В сорок – сумел освободиться от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от лжи. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала».

В этом высказывании – весь Конфуций как человек и как идеал традиции. Его путь от учёбы через познание «воли Неба» к свободному следованию «желаниям сердца» и добровольному соблюдению норм поведения, которые он считал священными, «небесными», стал нравственным ориентиром всей китайской традиции. Его учение весьма многогранно: оно включает в себя совокупность духовных и социальных норм, которые передавались из поколения в поколение на протяжении почти 2,5 тысяч лет. Правила эти касались воспитания человека, определяли его поведение в семье, на службе и в обществе, устанавливали способ мышления. До сих пор именно конфуцианство служит тем источником, из которого исходит огромный духовный заряд, свойственный всей китайской нации.

Один из крупных западных ученых, пытаясь дать ответ на вопрос о причинах возвышенного одиночества и величия Конфуция, пришел к парадоксальному выводу: он был крайне несчастен с женой (что можно прочесть меж строк некоторых его высказываний), а поэтому отправился в странствия со своими учениками, посвятив себя наставлениям и обучению. Разумеется, можно и так объяснить величие Учителя, но если бы именно неудачливая женитьба была причиной рождения всякого мудреца, то Конфуций затерялся бы в толпе миллионов себе подобных неудачников-философов.

Порою мы бессильны логически объяснить успешность проповеди Конфуция, ее удивительную витальную силу. И, как мы покажем, ответ на этот вопрос заключен не в том, что говорил Конфуций, а скорее в том, о чем он отказывался говорить.

Култ Конфуция создавался уже после его смерти – при жизни он не был особо почитаем и ценим. На месте его рождения был сначала воздвигнут небольшой алтарь, через много веков превратившийся в огромный храмовый комплекс. Однако впервые китайский император совершил на этом месте поклонение Учителю лишь в 195 г. до н. э., т. е. лишь через три века после его ухода из жизни, когда Конфуций стал уже превращаться в легенду. В 37 г. н. э. императорским указом его впервые жалуют посмертными титулами и чинами, т. е. по сути награждают не его, а задабривают духа предка, старясь правильно договориться с ним и перевести в разряд духа-защитника и покровителя. Наконец, в 58 г. ханьский император Мин-ди,

прославившийся своими предпочтениями к конфуцианским трудам, открывает особые школы, где изучались наставления учителя, а на следующий год приказывает совершать по всей стране жертвоприношения в честь Конфуция – скромный чиновник из Лу окончательно превратился в духа предка. Вскоре он действительно объявляется центральным духом государственного культа. Уже после своей смерти Конфуций стал продвигаться по китайской иерархической лестнице. Императорскими указами он был пожалован многочисленными высокими титулами, а в 1106 г. его стали даже именовать «правителем». В 1008 г. император Чжэнь-цзун совершает пышный обряд поклонения Конфуцию, а через два года повелевает построить храмы Конфуция во всех городах и округах по всей стране. Он оказался обожествлен и как небожитель – «Старый наставник абсолютной мудрости», что поставило его в один ряд с даосскими бессмертными небожителями и народными героями.

Несложно заметить, что речь идет уже не столько о человеке Конфуции, сколько о том особом духовном существе, которое занимает место предка-защитника всей китайской нации. Обедневший аристократ Кун Цюй из царства Лу столь же связан с обликом «мудрец Куна», сколь и отличен от него.

Существует вполне стандартное изложение основных взглядов, что проповедовал Конфуций. Это изложение его взглядов частично вытекает из трактовки сборника его высказываний «Лунь юй», но в большей мере – из значительно более позднего понимания роли Конфуция, суть которой была услужливо представлена более поздним поколением, прежде всего группой философов-неоконфуцианцев. Безусловно, самой значимой фигурой в трактовке версии «Конфуций-философ» явился блестящий ученый Чжу Си (XIII в.), составивший пространственные комментарии на каждый параграф «Лунь юя», и именно на эти комментарии, на менторские послы о том, как надо понимать Учителя, и опирались все последующие поколения китайских ученых-книжников, западных переводчиков и европейских исследователей. Постепенно самой политической культурой Китая Конфуций методично был превращен из духовного наставника узкой школы в социально-политического мыслителя.

Что может служить источниками знаний о жизни великого Учителя? Если отложить в сторону многочисленные биографии, написанные через сотни, а то и тысячи лет после смерти Конфуция, и еще более многочисленные легенды, то таких источников немного. Большинство историй о Конфуции носят довольно поздний характер. Естественно, это прежде всего сборник его речений и поступков «Лунь юй» (обычно переводимый как «Суждения и беседы»). «Лунь юй», однако, не представляет собой систематического и подробного изложения событий из жизни Конфуция. Много эпизодов можно почерпнуть из «Цзо чжуань» – «Хроник Цзо», подробных, но, как всегда, фрагментарных родовых записей из истории царства Лу, точнее – области Цзо, где родился и жил Конфуций. Часть историй и высказываний Конфуция вошла в большой компендиум «Ли цзи» – «Записки о ритуале», по своему содержанию частично повторяющие высказывания «Лунь юя».

Таким образом, число записей, непосредственно примыкающих к жизни Конфуция, невелико, а поэтому детальность его биографии лишь кажущаяся. Учитывая, что многие первичные источники переписывались, дополнялись и подправлялись, а образ Конфуция постепенно корректировался в соответствии с государственными запросами, то точность его биографии вообще должна вызывать большие сомнения. Впрочем, то же самое и порою даже в большей степени относится ко всем китайским духовным наставникам древности.

Немало преданий о Конфуции передает его последователь Мэн-цзы, причем по своему содержанию (хотя и не текстуально) они совпадают с «Лунь юем». На первый взгляд, весьма подробную биографию предоставляет нам историк Сыма Цянь в его «Исторических записках» («Ши цзи», I в. до н. э.), но все же он скорее передает устные предания, которые по прошествии нескольких столетий с эпохи жизни Конфуция оказывались весьма неточны. Вообще,

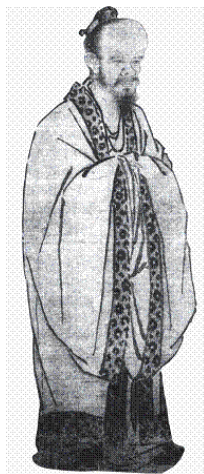
Сыма Цянь излагает не столько точные факты, сколько комплекс преданий и мифов, рассказывающих о Конфуции именно как о наставнике и образчике для подражания.

Время великих наставников

Что такое Китай времен Конфуция? Прежде всего – это страна, раздираемая распрями, расколота на множество царств. Царства заключают между собой союзы против других царств, союзы эти быстро раскалываются, прежние друзья превращаются в противников. Все это свидетельствовало о том, что «Поднебесная утратила гармонию» и, как считал сам Конфуций, золотой век «высокой древности» остался в прошлом. Идеал его – идеал возвращения к стабильности прошлых веков, поиск идеального правителя, подобного мудрецам давних лет, которые «жили в соответствии с Небом». По сути это поиск правителя-мага, находящегося в неразрывной связи с Небом и транслирующего на землю небесную благодать. Это и призыв к каждому человеку соблюдать определенный набор ритуальных правил и даже определенный характер мыслей, которые позволяют постоянно поддерживать небесно-земную связь.

В конце III – начале II тыс. до н. э. на территории Центральной равнины Китая начали складываться прото-государства, которые в то время представляли собой по сути племенные союзы. Этот период принято называть эпохой Шан-Инь – по названию племенного объединения, которое развивалось в среднем течении Хуанхэ, в основном на территории современной провинции хэнань. Параллельно шанской цивилизации существовало еще несколько центров, например в центральной части Китая, в провинции Сычуань, или на юге Китая, где сложилось гигантское и аморфное царство Чу, на территории которого вплоть до начала I тысячелетия н. э. процветала культура шаманизма и медиумизма. Одно из племенных объединений – Чжоу, существовавшее в рамках шанской цивилизации, в результате нескольких военных столкновений приходит к власти, кладя начало одному из самых долгих, противоречивых и интересных периодов в истории Китая – Чжоу (XI–III вв. до н. э.).

Эпоха Чжоу распадается на два отдельных периода, традиционно называемых Западной, или Ранняя, Чжоу (XI в. – 771 г. до н. э.) и Восточная, или Поздняя, Чжоу (771–246 г. до н. э.). В свою очередь Позднюю Чжоу принято разделять на два периода: Чуньцю – «Весен и Осеней» (770–476 до н. э.) и период Чжаньго – «Сражающихся царств» (475–331 до н. э.). Первый период получил такое название по имени летописи «Чуньцю» – «Весны и Осени», приписываемой Конфуцию, которая описывает события, происходящие в домене Чжоу. Период «Сражающихся царств», как несложно догадаться из его названия, оказался связан с непрекращающимися военными и политическими столкновениями между десятками крупных и мелких царств, возникших тогда на территории Срединной равнины.

Чжоуские *лидеры* не сумели, да и не стремились объединить все территории Китая под своей властью, к тому же само Чжоу постепенно превратилось в одно из многочисленных царств на Центральной равнине. Большинство этих царств некогда были наследственными владениями, выделенными правителем Чжоу (ваном) своим родственникам или ближайшим сподвижникам. Однако постепенно они начали обособляться, не признавать над собой власть вана и вести борьбу за гегемонию. Сам же домен Чжоу постепенно превращается в небольшое, хотя и развитое в культурном отношении царство. Некоторые *лидеры* царств формально признавали власть домена Чжоу, хотя ему не подчинялись, большинство же открыто игнорировало его. Царства дробились и враждовали между собой, вступали в стратегические союзы, которые быстро распадались. Ряд этих царств, располагавшихся на Центральной равнине, принято объединять под названием Срединные царства, или Чжунго (сегодня – именно таково самоназвание Китая), где постепенно сложился костяк китайского этноса – этническая общность хуася. В некоторые периоды число таких царств достигало нескольких сотен, наиболее же влиятельными считались чуть более десятка царств, среди которых выделялись «семь гегемонов» – «семь сильнейших» (ци сюн): Цинь, Чу, Ци, Хань, Чжао, Вэй и Янь.

Существовал ещё целый ряд мелких царств, например Чжоу, Сун, Лу (откуда происходил Конфуций), Се и другие. Многие государства оказались поглощены более сильными соседями. Так, царство Лу, где родился Конфуций, попало под власть мощного царства Чу. Масштаб царства отнюдь не находился в прямой зависимости от его культурного развития. Например, наиболее высокоразвитое в этом отношении царство Чжоу, столицей которого был город Лои (ныне город Лоян в провинции хэнань), являлось одним из самых мелких царств. Однако именно здесь были сосредоточены многие архивы, сюда стекались знатоки ритуала из соседних царств и именно здесь, как утверждает предание, произошла встреча между Лао-цзы и Конфуцием.

Страна, раздробленная на противоборствующие владения, вела долгие, изнурительные и бесполезные войны. В начале эпохи Поздняя Чжоу на территории центральной равнины оказалось около 140 мелких и крупных царств. Не проходило и года, чтобы между ними не возникали стычки. Сложилась даже особая категория бродячих мудрецов, особых служивых мужей (ши), которые, переходя из одного государства в другое, пытались уладить конфликты между правителями.

И именно в этот период позднего Чжоу начали закладываться основы практически всех духовных школ и мистических учений Китая, многие из которых дошли до сегодняшнего дня, в том числе и учение Конфуция. Для этого были две основные причины. Прежде всего – причина внешняя, социальная и очевидная. Она заключается в поисках объяснения того хаоса, который сложился в царствах на Центральной равнине, разрушений традиционных общин и статусов.

Издrevле китайская социальная система была чётко поделена на уровни, каждому из которых предписывались свои строжайшие нормы поведения, причём эти предписания порой касались даже мелочей. Существовал принцип: «Кто знатен – тот богат». Незнатный не мог быть не только богатым, но даже зажиточным. Например, было точно известно, в каких одеждах кому ходить, какую пищу есть, какие обряды совершать. Высшая аристократия так и называлась – «те, кто ест мясную пищу», в то время как на столе простолюдинов мясо не появлялось, и не потому, что его не хватало на всех, – причина заключалась в ритуальных предписаниях.

Несколькими веками ранее в обиходе появилось железо. Это нарушило гармонию общественных отношений, позволив людям, не обладающим знатностью, богатеть за счёт обработки новых земель. В результате возникли так называемые «сильные дома». Казалось, золотой век китайской государственности остался позади, в страну приходят «смута и хаос». Нет уже великих мудрецов древности – Яо, Шуня, Хуан-ди, Чжоу-гуна, способных вернуть Китай в лоно вселенской гармонии. Да разве найдётся сегодня тот, кто передаст правление не по наслед-

ству, а по заслугам – самому достойному, как великий правитель древности Яо, передавший трон Шуню? Нет, нравы измельчали, все власть предержащие заботятся лишь о собственном достатке и страдают неумеренными амбициями.

Китай раскололся на множество мелких царств, непрестанно враждовавших между собой.

Не это *ли* – знак утраты гармонии в Поднебесной, о которой говорил Конфуций? Среди духовных учителей и служивых мужей идет мучительный поиск способов того, как восстановить утраченное равновесие, и основной мыслью Конфуция станет идея возвращения старых правил и ритуалов, и – что самое главное – того состояния сознания гармонии с Небом, которое было присуще правителям прошлых эпох. При этом все резче и резче проявляется дисперсность культуры на территории Китая – страна оказывается расколота не столько на царства, сколько на множество самостоятельных в культурном плане регионов.

В китайской истории ранний период правления Чжоу считается едва *ли* не идеальным временем в жизни людей и государства, когда все жили в достатке и каждый «знал своё место». Как сказал бы Конфуций, «правитель был правителем, а подданный – подданным».

Основатель Чжоу – Чжоу-гун представлялся мужественным, трудолюбивым и добродетельным человеком. Он выгодно отличался от своего неудачливого предшественника, последнего правителя династии Инь, который погряз в разврате. Именно Чжоу-гуну история приписывает лозунг: «Уважать добродетель и оберегать народ». Многие мудрецы, в том числе и Конфуций, называли его образцом лучших нравственных качеств, подтверждённых временем. Учитель ставил Чжоу-гуна выше всех правителей древности, указывая на то, что он «полностью овладел культурным началом», а значит, и «ритуальными» нормами поведения, в которых Конфуций видел основу вселенской гармонии.

Вторая причина почти единовременного появления (точнее – проявления) десятков духовно-философских школ значительно менее очевидна, но не менее важна. По сути, то, что проповедуют философы «ста школ» (бай цзя), то есть многочисленных интеллектуальных групп, складывающихся вокруг духовных наставников, является переработкой неких мистических культов и идей, вынесенных «на люди», окультуренных, приведенных в относительное логическое единство. Жизнь этих людей – разрыв со старым медиумизмом и оккультной практикой, из которой они выросли, их проповедь – переложение идеи мистического единения с Небом и духами на язык светского служения государству и обществу. Для Конфуция формой такого единения является сложнейший набор форм поведения и состояний сознания, который он обозначал как *ли* – ритуал или правила.

Сильнейшие социальные и духовные кризисы, разрушение идей архаического оккультизма и потеря веры в духов – всё это способствовало рождению совсем иного типа философии. Итак, вторая причина заключена в десакрализации мистической традиции, выводе ее на уровень широкой проповеди.

В этой проповеди высший небесный дух-правитель шанди постепенно уступает место другому началу – Дао (Путь), не имеющему антропоморфного воплощения и не требующему никакого поклонения. Происходит постепенный отрыв от раннеархаической традиции предыдущего периода Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.) с её верой в многочисленных духов и антропоморфными представлениями о Небе. В Китае в этот период формируются все основные философские и духовные школы, лидерами которых становятся Конфуций, Лао-цзы, Ян Чжу, Чжуан-цзы, Мэн-цзы, Хань Фэй-цзы и другие. Кто-то оставляет после себя обширные труды, записи бесед с учениками, как, например, Конфуций или Хань Фэй-цзы, высказывания же других, таких как Ян Чжу, встречаются лишь во вторичных источниках, и мы не можем с уверенностью сказать, насколько они точно передают слова мудреца.

Для многих духовных наставников, воспитанных в традициях магической практики, дробление царств означало дробление благодатной силы (дэ) правителя. По представлениям,

характерным для Древнего Китая, правитель обладал огромной духовной мощью, которая дарована ему Небом, а основная функция такого правителя – опосредовать связь между Небом и Землей, передавать благодатную энергию подданным. Представление о ней сложилось ещё в глубокой древности, когда мир понимался как место встречи людей с духами и поэтому был пропитан особой энергией. Именно благодать правителя стала позже одним из ключевых моментов учения Конфуция о государстве и роли в нём правителя. Безраздельная власть требовала одновременно и особой нравственной чистоты, добродетельности, *личного* духовного совершенства вана, к чему и призывал Конфуций.

Что-то разладилось в Поднебесной... Разрушился стержень взаимоотношений между людьми. Неужели великую страну ожидают хаос и смута?

Именно в этот момент многие мудрецы, философы и мистики, страшась «великой смуты в Поднебесной», размышляли над способами, которые могли бы привести страну к покою и процветанию. На этой волне возникло множество духовных, философских и политических учений. Некоторые из них угасли за несколько столетий или даже десятилетий; другие – такие как конфуцианство, легизм, даосизм – настолько внедрились в культуру Китая, что китайская цивилизация сегодня просто немыслима без них.

Казалось, духи, которым поклонялся Китай, оказались не способны привести страну к гармонии. Наступил кризис архаического сознания, духообщение уже не давало человеку полноты истины, а человек стремился именно к ней, его больше не устраивало просто спасение от бед и несчастий. Не случайно Конфуций однажды заметил, что «если утром постигнешь истину, то к вечеру можно и умереть».

Путь Учителя

Практически каждый эпизод жизни великого учителя описан достаточно подробно, хотя, естественно, большая часть этих подробностей – мифологическая.

Конфуций появился на свет в царстве Лу на территории современной провинции Шаньдун, в местечке Цюй-фу, где сегодня разбит огромный музейный и храмовый комплекс, посвященный «учителю учителей».

В его жизни много необычного и знакового. Уже само его рождение оказалось окруженным слухами и преданиями. Великий мудрец родился от связи, которую называли «странной», «варварской», «нарушающей правила» и даже «противозаконной и развратной». Его отец Шулян хэ, которому уже минуло 70 лет, вступил в связь с очень юной девушкой из рода Янь. Не очень понятно, что подразумевал Сыма Цянь, называя в своих «Исторических записках» эту связь «странной» или «развратной» (*се цзяо*). Возможно, что Шулян хэ и девица Янь Чжи отнюдь не состояли в официальном браке, а лишь сожительствовали; возможно, что при бракосочетании не были соблюдены все обряды, которым в те времена необходимо было строго следовать; может быть, многие были недовольны тем, что разница в возрасте «молодых» была почти в 40 лет. Могли ли такие слухи не отразиться на юном Конфуции? Сын благородных родителей, знавший славную историю своего рода и ратные подвиги отца, он вряд ли мог забыть об обстоятельствах своего появления на свет.

И вечно должен был своим примером доказывать, что свойства людей одинаковы независимо от их рождения, что важно другое – способна ли душа человека следовать древним канонам, может ли он неустанно воспитывать себя, изгонять из себя неискренность и злобу, пестуя в своём сердце человеколюбие.

Высказывались даже предположения, что сам Конфуций был незаконнорожденным, он не получал всей полноты той аристократической власти, которая полагалась бы ему по закону, – а отсюда многие обиды, которые пришлось ему претерпеть в детстве. Но возможно, это лишь домыслы. Так или иначе, предания в «Исторических записках» рассказывают, что Шулян хэ, который уже имел несколько дочерей, в возрасте 63 лет решил взять наложницу, которая наконец родила ему сына. Но и здесь неудача – сын оказался хромоногим. Шулян хэ в отчаянии начал искать себе новую спутницу, и внезапно совсем юная девушка из города Цюйфу, представительница знатного рода Янь, согласилась связать свою жизнь со старым воином. Эта женщина и подарила миру 27 августа 551 г. до н. э. великого мудреца – Конфуция. При рождении ему дали имя Чжун Ни. «Они пошли и вознесли молитвы на холме Ницюй, и после этого она понесла Кун-цзы. На двадцать второй год правления луского властителя Сянгуна на свет появился Кун-цзы. Родился он с бугорком на голове, а, поэтому дали ему имя Цюй – «холмистый». Его второе имя цзы было Чжун-ни, а его клановое имя – Кун» (11, 1905).

По-китайски цюй – это округлый холм с небольшой ложбиной посередине. По преданиям, именно такой формы голова была у Конфуция и таким он предстает на многих более поздних канонических изображениях. Кажется, что Сыма Цянь передает нам на самом деле не одну, а сразу две легенды, которые он смешивает воедино: мудреца называли Цюй то ли из-за моления его родителей на холме, то ли из-за странной формы головы. Сыма Цянь по своей традиции никогда не комментирует записываемые им предания, нам же может быть интересно понять суть такого странного прозвища.

Достоверно неизвестно, была ли у Конфуция действительно голова столь необычной формы. Хорошо известно другое: все великие мудрецы Древнего Китая обладали каким-то характерным признаком, неким физическим недостатком, который явно указывал на их чудесность и необычность. Так, мудрец Фуси, принеший людям иероглифическую письменность, приготовление пищи и вообще многое из того, что мы называем культурой, также изображался

в виде странного вида человека *либо* с небольшими рожками на голове, *либо* с впадинкой посреди головы (что, в сущности, одно и то же). «Бугристой» головой отличался легендарный первоправитель Китая «Желтый император» – Хуан-ди, так иногда изображался другой священный правитель, основатель земледелия Шэнь-нун, в более поздние эпохи так представляли даосские маги (например, Чжан Саньфэн в XIII в.).

Семья будущего великого наставника принадлежала к так называемым «малым домам» – некогда славным, а ныне разорившимся аристократическим семьям, не имевшим большого влияния на политику и не располагавшим ни большими земельными наделами, ни заметным количеством подданных. В известной степени это отразилось и на психологии молодого Кун-цзы, который считал, что происходит разрушение древних обычаев, когда «все находилось на своих местах» – когда людям воздавали по их положению, званию и, конечно же, мудрости и преданности правителю. Теперь же, когда при дворе «служат недостойные», многие представители «малых домов», типа Конфуция, вынуждены быть на малых должностях, а то и, оставив их, отправляться на чужбину.

Многие предания указывали, что Конфуций происходил не только из аристократической семьи, но из царского рода, причем эту *линию* тянули из глубокой древности. По преданиям, известный аристократ из царства Лу Мэн Сицзы (два его сына стали учениками Конфуция) лишь перед смертью поведал, что Конфуций происходил из *линии* Фу Фухэ, который был старшим сыном правителя Мин-гуна из царства Сун. Он уступил свое право на правление своему младшему брату *ли-гуну* (IX в. до н. э.). Затем через несколько поколений наследование перешло к Чэн Као-фу, который служил трем правителям царства Сун в 799–729 гг. и прославился своим уважительным отношением к своим господам. Как сочли китайские комментаторы, другим именем Чэнь Каофу и было Кун Фуцзя (12, гл. «Чжао-гун», 44.166-17а).

Собственно, как нам пытаются показать китайские историки и прежде всего Сыма Цянь, именно Кун Фу, или Кун Фуцзя, и был прямым основателем рода Кунов. В 710 г. видный аристократ Хуа Ду казнит Кун Фуцзя, занимает вместо него пост советника в царстве. По преданию, причина этого была весьма тривиальна – Хуа Ду «увидел красоту его жены Кун Фу и обрадовался».

Упоминаний об отце Конфуция – Шулян хэ мы не встречаем ни в каких ранних источниках, непосредственно не связанных с самим Конфуцием. лишь местные хроники «Цзо чжуань» упоминают некоего Шу хэ из области Цзоу, возможно, он и был отцом великого Учителя. Прославился этот Шу хэ своими воинскими доблестями и неимоверной силой. Когда триста воинов отряда, которым он руководил в борьбе против царства Ци, прорывались в город Биян и уже начали входить в ворота, противник начал опускать тяжелые ворота, рассекая атакующих надвое. И тогда могучий Шу хэ, подставив предплечья, сумел удержать ворота и дать пройти своему отряду (12, гл. «Сян-гун», 31.36). И хотя в этом рассказе ничего непосредственно не указывает на Шу хэ именно как на отца Конфуция, уже Сыма Цянь в исторических записках пересказывает эту историю, используя имя Шулян хэ. Так за счет небольших «косметических» подправлений Конфуций получал свою славную предысторию. А это очень важно для того, кто столь трепетно проповедовал прежде всего уважение к предкам.

Шулян хэ был представителем четвертого поколения рода Кунов. С ним происходит какая-то странная история, суть которой сегодня уже не дано нам понять. Странность заключалась в том, что, будучи столь славным воином, он не получает ни званий, ни наград, ни официальных должностей. После войны он возвращается в родное местечко Цзоу (по некоторым предположениям, он получает его во владение в качестве признания заслуг), когда ему исполнилось уже 63 года.

Конфуций был беден и, вероятно, страдал от этого. В одной из бесед он упоминает: «В молодости я был беден, поэтому я освоил многие презренные занятия» (IX, 6). Карьера великого наставника начинается весьма обыденно и скромно. Он занимал невысокий и не очень значимый пост, вел хозяйственные записи – занимался учетом скота. «Все, за что я отвечал, чтобы овцы и коровы росли сильными и здоровыми» («Мэн-цзы», Vб,5). В общем, его первые шаги были весьма характерны для потомков обедневшей аристократии его времени.

С юности жизнь учила Конфуция немало мужеству. Ему ещё не исполнилось и семнадцати, как умерла его мать.

Его не приглашали на пиры, которые устраивались знатными родами в царстве Лу, потому что его род, хотя и благородного происхождения, был из числа «малых домов» – бедных и маловлиятельных. Не раз Конфуцию приходилось испытывать и публичные унижения, презрительные взгляды богатых вельмож... Не тогда *ли* он понял, что «благородный муж может быть огорчён лишь тем, что не обладает способностями, но не беспокоится о том, что люди

не знают его»? Невзгоды не ожесточили его сердце – наоборот, он увидел в них средство самовоспитания, обнаружил в своей душе ту удивительную любовь к людям, которой впоследствии учил других.

В 525 г. Конфуций, занимавший тогда невысокий чиновничий пост, был представлен наместнику Тану во время его визита в Лу. По рассказам, Конфуций имел честь рассказать ему о том, как в прошлом официальные присутствия назывались по названиям птиц (12, гл. «Чжао-гун», 48, 3б-9а). Он вообще с молодых лет подпадает под обаяние уложений прошлых эпох – тех, где остался идеал правления, когда еще не была нарушена связь между людьми и духами.

Постепенно его начинают считать знатоком ритуалов прошлого, к нему обращаются правители и видные сановники за советами по поводу проведения церемониалов. Более того, уже в относительно молодые годы к нему приходят первые ученики. По традиции, двумя первыми учениками считаются два сына видного луского аристократа Мэн Сицзы, который в 518 г., прямо перед своим уходом из жизни, завещает своим детям изучать у Конфуция смысл ритуалов. В ту пору Кун-цзы было лишь 33 года – очень ранний, почти невероятный возраст для наставников. Несомненно, он обладал не только знаниями, но и удивительным обаянием своей проповеди. С той поры число его учеников начинает расти, в конце концов переваливая за сотню человек, которые так или иначе получали от него наставления в разные эпохи. И постепенно именно наставническая, проповедническая деятельность захватывает его все больше, он чувствует, что именно на этом поприще он должен приложить свои знания.

Какие знания? Пожалуй, это самый загадочный вопрос, чему и как обучался сам Конфуций? Кто был его наставником, как проходило его обучение? Примечательно, что источники практически ничего не говорят об этом. Целый период жизни будущего великого наставника приблизительно до его тридцатилетия таинственным образом выпадает из поля зрения комментаторов и историков. Естественно, существует множество более поздних версий, но они опираются даже не на устные версии, а на предположения, изложенные в рамках становления идеального образа учителя и мудреца.

Такое «выпадение» в биографии человека, который определил развитие характера китайской цивилизации на тысячи лет вперед, не может не показаться странным, равно как и не может быть просто случайностью.

Как же мы можем понять, чему и как обучался Конфуций? Саму его проповедь, суть наставлений, которые он передает ученикам, можно считать очевидными, хотя и косвенными указателями на суть его обучения. Обратим внимание – всю свою дальнейшую жизнь он выступает знатоком именно внутренней сути ритуалов, при этом во всех тонкостях разбираясь как в самой технике проведения церемониалов, так и в методиках настройки сознания на духовное соприкосновение с высшими силами. Он рассуждает о мудрецах прошлого, например о Яо, Шуне, Чжао-гуне, которые являлись по своим функциям и по своей сути магами и медиумами (5).

Таким образом, он получает систематическое образование именно как священнослужитель, в чьи функции входит сбережение изначального смысла ритуалов. Но его роль в обществе уже невелика, время столь щепетильных последователей ритуальной целостности уже проходит, многие не понимают сути этого и тем более не чувствуют экстатического слияния с духами. Время архаического слияния с духами уже безвозвратно прошло.

Кун-цзы не может и не хочет понять этого. Все это вызывает у него грусть и недоумение. И поэтому он все время говорит о *цзюньцзы* (т. н. «благородном муже») – идеале человека прошлого, который пребывает в состоянии радения, ритуального соприкосновения с духами прошлых поколений и напивается ими.

Он был блестящим знатоком именно жертвенных ритуалов, известных под названием ди. Впервые, как можно судить по хроникам, в качестве «мастера ритуалов» он приглашается на церемониал жертвоприношений в 517 г., когда ему едва исполняется 34 года. Это –

явное свидетельство его посвященности, указание на то, что перед нами – не просто мелкий чиновник, но священнослужитель, прошедший специальную подготовку и наделенный магическими знаниями. Тогда исполнялся ритуал жертвоприношений и поклонения духам в присутствии Сян-гуна, правителя царства Лу. Основное количество людей, исполняющих ритуальные танцы, было специально приглашено из известного аристократического рода Цзи, из семьи Цзи Пинцзы, который, вероятно, и был хранителем этих техник. (12, 51, 17а). Но, как оказалось, то ли случайно, то ли намеренно была допущена, на первый взгляд, небольшая неточность в исполнении ритуала. Танцоры построились в восемь рядов, что обычно полагалось при исполнении танцев перед Сыном Неба, то есть правителем всей страны. А перед правителем царства надо было строиться лишь в шесть рядов. Род Цзи, стараясь польстить правителю царства, исполняет перед ним ритуал, достойный лишь одного Сына Неба! Этим хаосом в ритуалах, этим смешением сущностей и сакральных сил Конфуций страшно возмущен: «Восемь рядов танцуют в храме. Если такое можно вытерпеть, то чего же вытерпеть нельзя?» (III, 1). И Конфуций не боится показать своего недовольства – причем в том числе и недовольства правителем, ведь тот принял ритуал, который ему по чину не предназначался.

Порою он кажется невыносим в своих требованиях соблюдать все тонкости ритуала и не случайно оказывается часто гоним, не понят и как был «излишен» в ту эпоху, когда правителей больше занимают выгодные политические союзы, нежели ритуальная казуистика.

Магическая роль Конфуция ярко видна в его придирчивости к точности ритуала жертвоприношений. Конфуций как-то узнает, что некий дафу (один из высших сановников, обычно правитель области) собирается совершить жертвоприношение на горе Тайшань – самой священной вершине Китая, где издревле располагались жертвенные капища. Это место, где земля соприкасается с Небом, где духи спускаются на землю, и лишь правитель страны имел право совершать там обряд жертвоприношения духам. Дафу не имеет священного права делать этого, его энергетики недостаточно, чтобы соприкоснуться с самыми сильными духами. И Конфуций обращается к своему ученику Жань Ю с вопросом: «Можешь *ли* ты помешать ему?» «Не могу», – отвечает Жань Ю. Тогда Конфуций замечает: «Стоило *ли* предполагать, что гора Тайшань будет страдать от этого так же, как *линь* Фаном (человек, который спрашивал у Конфуция о ритуалах, проявив при этом немалое беспокойство и озабоченность. – А. М.)». Он уверен, что незаконное жертвоприношение будет отторгнуто Небом (III, 6).

Следующий период жизни Конфуция связан с многочисленными странствиями, в которых его сопровождают некоторые ученики. В 517 г. он впервые на короткое время отправляется в соседнее царство Ци. Около 502 г. он получает административную должность сы-коу в родном царстве Лу, соответствующую уездному секретарю, но *ли*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.